

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ БРАЗИЛИИ В СЕРЕДИНЕ XIX В.

Б. И. Коваль

Зарубежная историография, в том числе и бразильская, насчитывает значительное число книг по экономической истории страны. Большинство буржуазных ученых стоит на позициях «меновой концепции» происхождения капитализма. Многие из этих исследователей «находят» капитализм там, где никаких буржуазных отношений на самом деле не было. Связь плантационного рабовладельческого хозяйства с мировой торговлей и деятельность ростовщического капитала они склонны принимать за симптом развития капитализма на колониальной почве. Профессор Страсбургского университета Г. Ф. Кнапп еще в конце прошлого столетия писал, что рабовладельческое плантационное хозяйство в Бразилии XVI—XVIII вв.—это не что иное, как «первый, наиболее ранний шаг» капиталистической формы производства, «капиталистическое предприятие»¹. Другой немецкий ученый, К. Грюнберг, также утверждал, что плантация «есть самая ранняя проба этой (капиталистической.—Б. К.) формы промышленного предприятия»². Современный бразильский историк Н. Содре выдвинул идею о некоей «колониальной форме капитализма»³. Буржуазная наука, заметив воздействие капитализма на плантационное производство в колониях, не смогла сделать из этого факта правильные выводы. Многие крупные бразильские ученые, такие, как Роша Помба, П. Калмон, Ж. Пандиа Каложерас, Ж. Фрейре и другие, вообще уклоняются от анализа глубинных социально-экономических процессов.

Рассматриваемую проблему исследовал известный бразильский экономист К. Прадо Жуниор⁴. Однако генезис капитализма и у него не получил четкого освещения.

В настоящей статье сделана попытка охарактеризовать некоторые вопросы социально-экономического развития Бразилии со времени завоевания независимости (1822 г.) до отмены рабства (1888 г.) и падения монархии (1889 г.).

Процесс развития капиталистических предприятий в Бразилии начался намного позже, чем в Западной Европе и США, и имел некоторые специфические особенности. Это объяснялось тем, что предпосылки капитализма здесь возникали в условиях существования и даже преобла-

¹ Г. Ф. Кнапп. Рабство и свобода в сельском труде. Сборник «История труда в связи с историей некоторых форм промышленности». СПб. 1897, стр. 191, 192.

² К. Грюнберг. Состояние личной зависимости. «История труда в связи с историей некоторых форм промышленности», стр. 173.

³ N. W. Sodre. Introdução a Revolução Brasileira. Rio de Janeiro. 1958, p. 21.

⁴ Роша Помба. История Бразилии. М. 1962; P. Calmon. Historia do Brasil. Vol. 1—7. Rio de Janeiro. 1959; J. Pandia Calogerás. Formação Histórica do Brasil. São Paulo. 1957; G. Freyre. Casa-Grande e Senzala. Rio de Janeiro. 1933; H. Bastos. A Marcha do Capitalismo no Brasil. São Paulo. 1944.

⁵ К. Прадо Жуниор. Экономическая история Бразилии. М. 1949; его же. Evolução Política do Brasil e outros estudos. São Paulo. 1961.

дания рабовладельческо-плантационного производства в экономике (рабство было отменено лишь в мае 1888 г.). В течение нескольких столетий (1500—1822) Бразилия являлась бесправной колонией феодальной Португалии, а затем попала в финансово-торговую зависимость от капиталистической Англии; до ноября 1889 г. в стране сохранялась монархия. Эти обстоятельства наложили определенный отпечаток на социально-экономическое развитие страны в XIX веке.

Одной из характерных черт социально-экономического положения Бразилии явилось широкое распространение рабства. Вплоть до XIX в. класс рабов численно превосходил другие слои бразильского общества. В 1798 г. из 3,2 млн. жителей колонии около 2 млн. человек являлись рабами⁶. В общественно-производительном труде страны их доля была основной.

Свободными от рабской зависимости людьми были надсмотрщики за рабами, поденщики-ремесленники⁷, портные, парикмахеры, строители, нанимавшиеся на временную работу к богатым горожанам или плантаторам. Иногда рабовладельцы отдавали своих наиболее искусных рабов на время другим лицам, но от этого «наемные рабы» не становились свободными рабочими, хотя в ряде случаев и получали от нового хозяина заработную плату⁸.

Как известно, торговля и ростовщичество, взятые сами по себе,— это еще не начало капитализма, хотя без товарно-денежных отношений последний не мог возникнуть и существовать. Точно так же наемный труд, обслуживавший докапиталистические способы производства, не означал еще появления пролетариата. Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» заметил, что «наемный труд, в котором скрыт уже в зародыше весь капиталистический способ производства, существует с давних времен; в единичной, случайной форме мы встречаем его в течение столетий рядом с рабством. Но скрытый зародыш только тогда мог развиваться в капиталистический способ производства, когда созрели необходимые для него исторические условия»⁹.

В Бразилии эти условия стали постепенно создаваться лишь в начале XIX века. При этом, нам думается, в конце концов неважно, преобладали ли рабы численно (хотя ряд документов колониальной эпохи прямо свидетельствует об этом); существеннее уяснить другое, а именно, что даже при условии численного меньшинства невольников их труд мог являться и действительно являлся в Бразилии XVI—XVIII вв. господствовавшей формой общественно-производительного труда¹⁰. Учитывая это, было бы неправильным утверждать, что капиталистические отношения начали зарождаться в Бразилии еще на заре колонизации¹¹.

⁶ R. Simonsen. *Historia Economica do Brasil*. Vol. 2. São Paulo. 1937, p. 55

⁷ О существовании группы «поденщиков» (*jornaleiros*, *day laboures*) упоминается, например, в книге «An Essay on the Commerce and Products of the Portuguese Colonies in South America, Especialy the Brazils». Tr. from the Portuguese of J. J. Cunha de Azevedo Coutinho, Bishop of Fernambuco and Fellow of the Royal Academy of Science of Lisbon, many Years a Resident of South America. London. 1807, p. 135.

⁸ C. Prado Junior. *Formação do Brasil Contemporâneo*. Colonia. São Paulo. 1957, p. 220.

⁹ Ф. Энгельс. *Анти-Дюринг*. М. 1957, стр. 254. Примечание.

¹⁰ См. подробнее по этому вопросу: Б. И. Коваль. О некоторых спорных вопросах статьи С. Л. Утченко и Е. М. Штаерман. «Вестник древней истории», 1961, № 3, стр. 94—100.

¹¹ А. М. Хазанов считает, что пример Бразилии может служить «яркой иллюстрацией» для показа «механизма первоначального накопления». Такое положение является правильным, если подразумевать под этим ту роль, которую играла колонизация Бразилии для накопления капиталов в Западной Европе. Но А. М. Хазанов полагает, что и в самой Бразилии XVI—XVIII вв. шел процесс первоначального накопления. Он пишет: «Основу всего процесса составляла экспроприация сельскохозяйственного производителя. С точки зрения ближайших результатов колонизация представляла собой исторический процесс насильственного отделения непосредствен-

Для колониальной Бразилии, где преобладал принудительный труд, практически исключалась возможность так называемого первоначального накопления. По нашему мнению, в XVI—XVIII вв. здесь протекали совершенно иные социально-экономические процессы, главным из которых было насаждение рабства и развитие плантационно-рабовладельческого производства, отличавшегося высокой товарностью и подчиненностью мировому капиталистическому рынку.

Эта особенность рабовладельческой плантации стала наиболее отчетливо проявляться в конце XVIII — начале XIX в., когда колония попала в полную зависимость от международного капитала. Рабовладельческая плантация превратилась, по словам К. Маркса, в «коммерческую систему эксплуатации»¹². Отныне речь шла уже не о том, чтобы получить известное количество полезных продуктов, дело заключалось в производстве самой прибавочной стоимости¹³. Вследствие капиталистической погони за прибылью «чрезмерный труд негра, доходящий в отдельных случаях до потребления его жизни в течение семи лет труда, становился фактором рассчитанной и рассчитывающей системы»¹⁴.

Непосредственным отражением этого явления был исключительно быстрый рост экспорта товаров из колонии в конце XVIII — начале XIX столетия. Например, число рабов на плантациях бразильской провинции Баия оставалось почти неизменным, тогда как вывоз товаров, произведенных ими, увеличился в течение 20 лет (1780—1800) в три раза. Стоимость экспорта страны за этот период также повысилась втрое и оценивалась в 3 млн. ф. ст.¹⁵. Особенно заметно стала увеличиваться товарность плантационного хозяйства после провозглашения в 1808 г. свободы внешней торговли Бразилии.

Буржуазные ученые, не замечающие иногда этой перемены в характере плантационного рабства, объясняют быстрый рост бразильского экспорта только как результат тех экономических реформ, которые вынужден был провести регент Жоао VI, бежавший в 1808 г. из Лисабона от нашествия наполеоновских войск в свою заокеанскую колонию. Объявление свободы внешней торговли, создание бразильского банка, разрешение основывать промышленные предприятия, строительство портов и другие подобные мероприятия Жоао VI буржуазные ученые пытаются выдать даже за некую «социальную, экономическую и политическую революцию»¹⁶. Реформы способствовали росту местной торговой и ростовщической буржуазии, но это вовсе не дает оснований для апологетической оценки их. Состояние экономики страны в то время осложнилось тем, что она попала в еще большую зависимость от английских купцов и банкиров, господствовавших на мировом рынке. Свидетельством этого является катастрофически быстрое обесценение национальной валюты: если в 1808 г. один бразильский милрейс равнялся в среднем 78 пенсам, то в 1822 г. паритет упал до 49 пенсов¹⁷.

Реформаторская деятельность Жоао VI лишь закрепила происшедшее изменение в характере плантационного производства и содействова-

ных производителей-индейцев от средств производства, их экспроприацию» (А. М. Хазанов. Предисловие к книге Роша Помба «История Бразилии». М. 1962, стр. 7). Самый факт экспроприации, конечно, имел место, но поскольку индейцев обращали в рабство, в стране насаждались рабовладельческие, а не капиталистические порядки (см. «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями». М. 1951, стр. 223).

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 769.

¹³ См. там же, стр. 247.

¹⁴ Там же.

¹⁵ R. S i m o n s e n. Op. cit. Vol. II, p. 196.

¹⁶ См., например, А. Е. М. Forre st i l h o. Expansão Economica do Brasil. Rio de Janeiro. 1935, p. 35.

¹⁷ «Anuário Estatístico do Brasil» 1º anno (1908—1912). Vol. II. Economia e Finançs. Rio de Janeiro. 1917, p. 243.

ла дальнейшей «товаризации» плантационного хозяйства, а тем самым консервации рабства.

Плантаторы пытались приспособиться к новым условиям, сохранив старые методы угнетения и эксплуатации невольников. Более того, они старались увеличить их число за счет международной работорговли, ибо вследствие чрезвычайно высокой степени эксплуатации нормальное воспроизводство рабочей силы за счет естественного прироста было почти полностью исключено. Даже по официальным данным, смертность рабов почти втрое превосходила рождаемость¹⁸.

Как показал К. Маркс, в этих условиях в развитии рабовладельческо-плантационного хозяйства с особой отчетливостью выявились две противоположные тенденции. Первая заключалась в том, что господствующее положение рабского труда неизбежно вело к созданию и соответствующего ему способа производства. «В лице раба,— писал К. Маркс,— похищается непосредственно орудие производства. Однако затем производство той страны, для которой он похищается, должно быть организовано так, чтобы допускалось применение рабского труда, или (как в Южной Америке и т. д.) должен быть создан соответствующий рабскому труду способ производства»¹⁹. Эта тенденция, по нашему мнению, доминировала в XVI—XVIII веках. Вторая тенденция состояла в том, что мировой капиталистический рынок, вызвав у плантаторов неудержимую жажду наживы, серьезно влиял на плантационное хозяйство. Подчинение плантации интересам международного капитала неизбежно вело к обуржуазиванию рабовладельцев. В колониях-плантациях, которые с самого начала были рассчитаны на производство товаров для мирового рынка, подчеркивал К. Маркс, постепенно складывалось «капиталистическое производство, хотя только формально, так как рабство негров исключает свободный наемный труд, т. е. самую основу капиталистического производства. Но здесь перед нами капиталисты, строящие свое хозяйство на рабском труде негров. Способ производства, вводимый ими, не возник из рабства, а прививается ему»²⁰.

Постепенно верх одерживала вторая тенденция, в результате чего под непосредственным воздействием промышленного переворота в Европе и США плантация превратилась в нечто вроде капиталистического хозяйства, хотя форма эксплуатации непосредственных производителей осталась старой. Товаром, как и прежде, являлся раб, а не его рабочая сила. Такую деформированную систему К. Маркс характеризовал как специфическое состояние «формального подчинения труда капиталу»²¹. В этом подчинении и заключалась та «капиталистическая прививка», которую испытало рабство в новое время. Подобное обстоятельство способствовало тому, что капитализировавшаяся рабовладельческая плантация в Бразилии еще продолжала некоторое время развиваться по восходящей линии. Однако мало-помалу такое развитие плантационного производства в колонии стало все больше наталкиваться на всякого рода препятствия со стороны метрополии. Португалия пыталась помешать процессу «капитализации» рабовладельческого хозяйства в Бразилии и хотела «феодализировать» страну. Эта тенденция была явно регрессивной, ибо развитие подчиненного мировому рынку товарного производства в колонии нуждалось в полном освобождении от колониальных пут. Так возникла одна из важных экономических предпосылок движения за независимость.

¹⁸ «Recenseamento do Brasil realizado em 1 de setembro de 1920». (4º Censo da População e 1º das Industrias). Vol. I. Introdução. Rio de Janeiro, p. 339; «Diccionario Historico, Geographico e Ethnographico do Brasil». Vol. I. Rio de Janeiro. 1922, pp. 282—283.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 12, стр. 724.

²⁰ К. Маркс. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»). Ч. II. М. 1957, стр. 297—298.

²¹ «Архив Маркса и Энгельса». Т. II (VII). М. 1933, стр. 101.

Новый этап в социально-экономической истории Бразилии наступил после свержения португальского колониального господства и провозглашения независимости. Это революционное завоевание частично открыло путь для зарождения собственно капиталистических отношений и дальнейшей «капитализации» плантационного хозяйства.

После свержения колониального ига Португалии в Бразилии на 2 813 тыс. свободных жителей приходилось 1 147 тыс. рабов. К середине XIX в. число невольников увеличилось, но за это время выросло и так называемое «свободное население», поэтому удельный вес рабов практически не изменился, они по-прежнему составляли приблизительно $\frac{1}{3}$ бразильского общества²².

В этот период усиливается тяжелая финансовая зависимость Бразилии от иностранного и прежде всего английского капитала. С 1822 по 1852 г. английские банкиры предоставили Бразилии 7 займов на общую сумму около 8 млн. ф. ст., из которых реально страна получила приблизительно 6,6 млн. ф. ст.²³. Большая часть этой суммы пошла на содержание императорского двора, аристократии, государственного аппарата и т. д. Бразилия, все больше попадавшая в финансовую зависимость от английского ростовщического капитала, вынуждена была брать новые займы, причем лишь с одной целью — погасить долги по старым. Такая система особенно широко практиковалась во второй половине XIX века. «Ростовщичество, как и торговля, — характеризовал К. Маркс роль ростовщического капитала, — эксплуатирует данный способ производства, не создает его, относится к нему внешним образом. Ростовщичество стремится прямо его сохранять, чтобы иметь возможность эксплуатировать его снова и снова; оно консервативно и только доводит существующий способ производства до более жалкого состояния»²⁴. Бразилия может служить тому примером. По официальным данным, внешний долг страны вырос с 1,5 млн. ф. ст. (1824 г.) до 4,6 млн. ф. ст. (1850 г.)²⁵. В конечном итоге займы усилили зависимость Бразилии от английских банкиров и укрепили власть плантаторов-рабовладельцев.

Аналогичное положение сложилось и в торговле Бразилии. Вплоть до 1860 г. внешнеторговый дефицит возрастал. За период 1822—1862 гг. пассив торгового баланса составил более 200 тыс. конторейсов (25—30 млн. ф. ст.)²⁶. Эта сумма намного превосходила полученные Бразилией внешние займы.

Таким образом, ввиду сохранения системы рабства, а также экономической зависимости от мирового рынка и иностранного капитала даже и после освобождения от колониальных пут возможности для развития капитализма в Бразилии были весьма неблагоприятными. И хотя в стране наблюдался рост торгового и ростовщического капитала и расширение сферы товарно-денежных отношений, рабовладельческая система все еще продолжала господствовать. Исходя из этого, вряд ли правильно утверждение Э. Шифрина (в предисловии к книге Кайо Прадо Жуниора «Экономическая история Бразилии») о том, что процесс так называемого первоначального накопления в этой стране, точно так же как и вообще «в истории развития человеческого общества», охватывает собой «громадный исторический отрезок времени (1500—1850 гг.)»²⁷. Оставляя в стороне вопрос о правильности такого глобального подхода к проблеме, укажем лишь на то, что в отношении Бразилии эта схема вряд ли применима. Деньги сами по себе

²² «Recenseamento do Brasil... de 1920». Vol. I, pp. 332, 334, 339, 404.

²³ «Anuário Estatístico do Brasil», 1º anno (1908—1912). Vol. II, p. 253.

²⁴ К. Маркс. Капитал. Т. III. М. 1955, стр. 623.

²⁵ «Foreign Capital in Latin America». New York. 1955, p. 49.

²⁶ «Anuário Estatístico do Brasil. Ano XVI». Rio de Janeiro. 1955, pp. 276—277.

²⁷ См. К. Прадо Жуниор. Экономическая история Бразилии, стр. 21.

не могли превратиться в капитал, для этого необходим определенный уровень развития производственных отношений, который достигается лишь тогда, когда товаром становится рабочая сила свободного от личной зависимости производителя. В истории Бразилии таким водоразделом явилась середина XIX столетия с той лишь разницей, что на этом не закончился, как считает Э. Шифрин, а, по существу, только начался процесс зарождения капиталистических отношений. Приведем несколько примеров. Во второй половине XIX в. получило начало формирование рынка свободного наемного труда. Прекращение работорговли²⁸ оказало известное влияние на социально-экономическое развитие Бразилии, способствуя углублению кризиса плантационной системы. Число рабов-негров в Бразилии стало сокращаться²⁹. Если в 1850 г. в стране насчитывалось 2,5 млн. рабов, или 31% всего населения (5,2 млн. человек были свободными), то в 1872 г. рабы составляли 10,5% населения (1,5 млн. человек). Число свободных жителей увеличилось до 8,4 млн. человек³⁰. К 1880 г. в стране оставалось 1368 тыс. невольников, а накануне отмены рабства (1888 г.) рабов, по официальным данным, насчитывалось 723 тыс. человек, что составляло лишь 5% населения Бразилии (13,2 млн. человек)³¹.

Процесс освобождения рабов начался фактически уже в 60-х годах, однако вследствие сопротивления рабовладельцев он шел крайне медленно. Первые группы рабов были отпущены на свободу в годы парагвайской войны (1864—1870), когда тяжелое положение бразильской армии на фронтах и постоянная нужда в новых массах солдат привели к тому, что были освобождены и пополнили ряды армии рабы, принадлежавшие императорскому двору и частично ордену кармелитов. По королевскому указу создавался даже специальный фонд по выкупу невольников у владельцев³².

28 сентября 1871 г. правительство издало закон «о свободе рождения», по которому дети рабынь получали по достижении совершеннолетия свободу. При такой форме «освобождения» понадобился бы не один десяток лет, чтобы покончить с рабством в Бразилии. Закон «о свободе рождения» предусматривал, правда, право рабов выкупаться из неволи, но такие случаи были очень редки. В конечном счете декрет 1871 г. скорее тормозил эмансипацию негров, в частности, он привел к временному ослаблению аболиционистского движения. По подсчетам С. Стейна, за период 1872—1885 гг. свободу получили всего около

²⁸ Ввоз рабов в Бразилию был официально запрещен еще в 1837 г., но практически международная работорговля продолжалась. Более того, в 40-х годах XIX в. она вновь активизировалась и только спустя несколько лет после декрета 4 сентября 1850 г. прекратилась. Последняя попытка привоза рабов в 1856 г. окончилась неудачей, ряд работорговцев был привлечен к суду. В буржуазной литературе получила широкое хождение лживая версия о том, что главную роль в отмене работорговли сыграли английские капиталисты. Однако это не соответствовало действительности. Хотя Англия еще в 1807 г. формально отменила работорговлю и с 1815 г. выступала на мировой арене как «борец» за ее отмену, лондонские купцы продолжали тайно торговать невольниками. В Бразилии английские компании по добыче золота эксплуатировали до 300—500 негров-рабов, а «Compania Inglesa de Mineração» до конца 70-х годов XIX в. имела около 800 рабов. См. A. de Taunay. *Historia do Cafe no Brasil*. Vol. 4, t. 2. Rio de Janeiro. 1939, p. 296; P. Suzannet. *Souvenirs de voyages. L'empire du Brésil*. Paris. 1864, pp. 303—315.

²⁹ Этнический состав бразильского населения в связи с этим изменился: в 1835 г. белое население составляло 24,4%, метисы — 18,2% и негры — 51,4%. К 1872 г. удельный вес белого населения возрос до 38,1%, метисов — до 38,4%, и, наоборот, число негров уменьшилось в три раза и составило 16,5% всех жителей страны (индейцы составляли 7% населения). См. F. Bastos de A vila. *L'Immigration au Brésil*. Rio de Janeiro. 1956, p. 89.

³⁰ «Recenseamento do Brasil... de 1920». Vol. 1, pp. 332, 401. 405. 409

³¹ Там же.

³² К апрелю 1867 г. таким путем было освобождено 1700 рабов. «Revue des Deux Mondes» 15.XII. 1867, p. 940.

40 тыс. рабов. За это же время более 215 тыс. рабов умерло³³. В провинции Сеара, например, рабовладение было официально запрещено в марте 1884 г., в Амазонас аналогичный закон вступил в силу 10 июля того же года. В сентябре 1884 г. в трех муниципалитетах Рио-Гранде-до-Сул 35 тыс. рабов также получили долгожданную свободу³⁴. За 12 лет (1873—1885) в провинции Рио-де-Жанейро эмансипация охватила 21 тыс. негров.

В сентябре 1885 г. был принят закон об освобождении по всей стране рабов старше 60 лет. Но эта мера не ослабила аболиционистское движение. Выступление против рабства слилось с борьбой против монархии и носило общенациональный революционный характер. Борьба за отмену рабства имела большое значение для развития капитализма. Как известно, так называемое первоначальное накопление в основе своей предполагает «с одной стороны, освобождение непосредственного производителя от роли простого придатка к земле (в форме вассала, крепостного, раба и т. д.), с другой стороны — экспроприацию массы народа от земли»³⁵. Это положение в полной мере относится к Бразилии, поскольку здесь интенсивно шел процесс отделения от средств производства мелкого крестьянства, ремесленников, а также выделение рабов от остальной массы средств производства и орудий труда. В Англии, например, первоначальное накопление не представляло собой «непосредственного превращения рабов и крепостных в наемных рабочих и, следовательно, простой смены формы, оно означает лишь экспроприацию непосредственных производителей, т. е. уничтожение частной собственности, покоящейся на собственном труде»³⁶. В Бразилии же превращение раба в наемного рабочего должно было произойти непосредственно, без какой-либо добавочной или экспроприации. Достаточно было отпустить раба на свободу, чтобы превратить его в потенциального наемного рабочего. В силу этого объективные условия труда, оставаясь в руках прежних хозяев, противостояли свободным, но по-прежнему «лишними собственными индивидам»³⁷. В этих условиях самый акт юридической эмансипации рабов способствовал созданию армии свободных наемных рабочих, которая также пополнялась за счет разоренного крестьянства, ремесленников и прочих мелких производителей. К тому же следует оговориться, это, конечно, не означало, что 723 тыс. рабов, получив свободу, автоматически стали наемными рабочими. Более того, они не могли тотчас превратиться в пролетариев, хотя бы уже потому, что капиталистическое производство было еще не способно удовлетворить такое предложение рабочей силы. Бразильский экономист произвел подсчет, из которого следует, что после освобождения рабов для организации их труда на базе денежных (капиталистических) отношений необходимо было бы располагать дополнительно 50 тыс. контрейсов — это составляло четвертую часть уже имевшегося капитала³⁸. Значительная часть бывших рабов (да и свободного населения) долгое время оставалась в промежуточном, переходном состоянии от одного качества к другому — от раба или полурраба к пролетарию. Существовала целая гамма таких форм, когда человек не был рабом, но еще и не стал в полном смысле свободным наемным рабочим.

Известную роль в развитии наемного труда до отмены рабства сыграла так называемая свободная иммиграция. Впервые она началась в

³³ St. J. Stein. Vassouras. A Brazilian Coffee County, 1850—1900. Cambridge. Massachusetts. 1957, p. 69.

³⁴ J. Pandia Galogeras. Op. cit., pp. 376—377.

³⁵ К. Маркс. Капитал. Т. III, стр. 629—630.

³⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 770.

³⁷ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М. 1940, стр. 39.

³⁸ «Conjectura Economica», 11, Aug. 1948, pp. 24—25; St. J. Stein Op. cit., p. 260.

1818 г., когда Жоао VI дал разрешение организовать в провинции Рио-де-Жанейро сельскохозяйственную колонию для 1,6 тыс. иммигрантов из Швеции (колония в Нова Фрибурго)³⁹. В 1824 г. в провинции Рио-Гранде-до-Сул, а в 1828 г. в провинции Пернамбуко появились первые иммигранты-немцы. В 1842 г. правительственный совет разрешил крупным плантаторам ввозить «сельскохозяйственных наемных рабочих» в качестве «свободных колонов»⁴⁰.

В конце 40-х годов XIX в. стал развиваться новый тип колонизации — «закрепление колонистов на плантациях и крупных земледельческих объектах, где они работали по найму за вознаграждение в виде доли прибыли. Этот тип колонизации представлял переход от первоначальной системы, имевшей целью образование класса мелких собственников и независимых крестьян, к системе привлечения наемных рабочих»⁴¹. Завербованные колонисты получали землю, жилье и ссуду на первое время. Все это они должны были оплатить за счет будущих урожаев, выращенных на предоставленной им земле. После уплаты долгов оставшаяся часть урожая делилась между хозяином и колонистом (отсюда эта система и получила название «*parceria*» — участие). Такая вербовка колонистов обеспечивала рабовладельческую плантацию наемной рабочей силой. Парсерия была характерна для немногих наиболее капитализированных хозяйств, причем парсерия нередко сводилась к долговому закабалению колонистов⁴². Тем не менее до самой отмены рабства труд рабов на плантациях доминировал⁴³.

Различные формы зависимости, причудливо переплетавшиеся в Бразилии, породили большую пестроту производственных отношений в стране. Одной из таких форм крестьянской зависимости в деревне был агрегадо. Известный бразильский экономист Ж. Коста Перейра замечал: «Термин этот употреблялся раньше для обозначения лиц, зависящих от помещика, но находившихся на ином положении, чем невольники»⁴⁴. Агрегадо еще не дорос до положения парсерийных батраков-издольщиков, но он и не был рабом, представляя собою переходный тип мелкого производителя, влачившего жалкое существование на арендованной земле. Освобожденные от рабства многие черные невольники, оставшиеся работать в поместье, поднялись до положения агрегадо⁴⁵.

Имелось и много других переходных форм зависимости — «камарада» (помещик), «колоно-камарада» (постоянный поденщик, имевший клочок земли), «колоно-арендаторио» (арендатор — полукрепостной), «колоно-импретейро» (батрак, выполнявший определенную работу), «поссейрос», «кайпирас» и т. д. В 1881 г., по данным С. Стейна, такого рода сельскохозяйственных работников насчитывалось до 7 млн. человек⁴⁶. Последующее развитие не привело к уничтожению всех этих форм зависимости; еще и сейчас в деревне капиталистические формы эксплуатации нередко переплетаются с докапиталистическими.

Одновременно с процессом расширения сферы новых форм труда в сельском хозяйстве и «капитализацией» плантационного хозяйства во второй половине XIX в. происходило заметное развитие капиталистических отношений в городе, рост мелкого, среднего и даже крупного капиталистического предпринимательства. До 1850 г. в стране имелось

³⁹ «Diccionario...». Vol. I, pp. 291, 295.

⁴⁰ F. Bastos de Avila. Op. cit., p. 61.

⁴¹ К. Прадо Жунior. Экономическая история Бразилии, стр. 204—205.

⁴² Немецкий путешественник Г. Гаупт, побывавший в 1367 г. в Бразилии, в своем окладе в Берлин отмечал, что «положение свободных рабочих в колониях Сан-Пауло не отличается от положения рабов». H. D e n i s. Le Brésil au XX-e siècle, p. 122.

⁴³ «Diccionario...». Vol. I, p. 295.

⁴⁴ «Люди и ландшафты Бразилии». М. 1958, стр. 197.

⁴⁵ См. там же, стр. 199.

⁴⁶ St. J. Stein. Op. cit., pp. 11. 57, 58, 59, 260.

несколько предприятий промышленного типа, но на них, как правило, работали исключительно рабы. Имперская тарифная комиссия в своем докладе (1853 г.) сообщила, что «большинство фабрик в стране использует труд рабов»⁴⁷. В техническом и организационном отношении мануфактура с принудительным трудом была сходна с капиталистической, в известном смысле она также являлась носителем технического прогресса и свидетельствовала о росте производительных сил, но такая мануфактура не имела основного признака капиталистического предприятия — свободных продавцов своей рабочей силы, а там, где последние были, они составляли меньшинство.

Переход Бразилии с середины XIX в. к протекционизму означал защиту местной промышленности от конкуренции английских капиталистов. Оценивая подобную политику, К. Маркс отмечал: «Система протекционизма была искусственным средством фабриковать фабрикантов, экспроприировать независимых работников, капитализировать национальные средства производства и жизненные средства, насильственно ускорять переход от старого способа производства к современному»⁴⁸. Вместе с тем протекционизм в условиях Бразилии был выгоден и классу плантаторов-рабовладельцев и особенно хозяевам промышленных мануфактур с принудительным трудом. Наибольшую же пользу из отказа от фритредерства извлекла зарождающаяся бразильская буржуазия, ибо это способствовало развитию национальной промышленности.

Во второй половине XIX в. значительно ускорился процесс концентрации денежного капитала. Если до 1850 г. было всего 4 банка, то в 50-х годах стали функционировать 14 новых банков, 3 сберегательные кассы и 23 страховых компании⁴⁹. Открылись такие крупные банки, как Банк Мауа с капиталом в 56,8 млн. ф. ст., «Банк ду Бразил» (85,2 млн. фр.) и другие. В 1872 г. был создан специальный «Торгово-промышленный банк» с капиталом в 56,8 млн. фр. По данным бюро международной выставки 1876 г., банковский капитал Бразилии превысил 320 млн. франков⁵⁰.

Во второй половине XIX в. в промышленность влилось 95% всей суммы капиталов, вложенных за весь период существования империи (1822—1889 гг.)⁵¹. Появляются первые крупные капиталисты. Например, финансист и промышленник Мауа построил судовой завод Понта да Арейя, на которой трудилось 300 рабочих, основал завод по изготовлению труб для газовых компаний с числом рабочих более 1 тыс. человек. На выставке 1861 г. компания Мауа была признана «первым и самым лучшим промышленным предприятием тяжелой индустрии»⁵².

В 1852 г. в Бразилии появился первый телеграф, в 1877 г. — телефон, в 1883 г. построена первая электростанция мощностью в 70 лошадиных сил. В 1854 г. с помощью английских инженеров закончилось строительство первой железной дороги протяженностью в 14,5 км, в 1856 г. открылась вторая линия, затем третья. Накануне отмены рабства и провозглашения республики в эксплуатации находилось 9 583 км железнодорожных путей⁵³. Все это свидетельствовало о значительном шаге вперед в промышленном развитии Бразилии и разложении старых производственных отношений, что дало сильный толчок концентрации капи-

⁴⁷ St. J. Stein. The Brazilian Cotton Manufacture. Cambridge. Massachusetts. 1957, p. 5.

⁴⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 767.

⁴⁹ К. Прадо Жунior. Экономическая история Бразилии, стр. 210.

⁵⁰ «L'Empire du Brésil a l'Exposition Universelle de 1876 a Philadelphia». Rio de Janeiro. 1876, pp. 477—485.

⁵¹ «Recenseamento do Brasil... de 1920». Vol. 5. I parte, Rio de Janeiro. 1927, p. LXIX.

⁵² Alberto de Faria. Maya. 1813—1889. São Paulo. 1946, pp. 115, 117—119, 124—125, 132.

⁵³ «Anuário Estatístico do Brasil», 1º anno (1908—1912). Vol. II, p. 31.

тала⁵⁴. По данным Панамериканского союза, 33% железных дорог в 1887 г. контролировалось имперским правительством⁵⁵.

Рост количества новых промышленных предприятий происходил в Бразилии особенно интенсивно накануне отмены рабства. По подсчетам бразильских экономистов, в 1831—1850 гг. был зарегистрирован 21 патент-разрешение на открытие промышленного предприятия, в 1850—1870 гг.— 161, а в 1871—1889 гг.— 1 310, из них на последние пять лет приходится 815 патентов⁵⁶. До 1880 г. в стране были организованы 234 промышленных заведения, в десятилетие 1880—1889 гг. открылось еще 398 новых предприятий (речь идет о предприятиях, сохранившихся до 1920 г.). Наглядное представление о развитии промышленности дает следующая таблица, составленная нами по данным первой национальной промышленной переписи 1920 года⁵⁷.

Развитие бразильской промышленности во второй половине XIX в. (из расчета предприятий, сохранившихся до 1920 г.)

Годы	Число предприятий	Размер капиталовложений в конторейсах	Мощность (в л. с.)	Число наемных рабочих	Стоимость продукции в конторейсах
До 1850	35	26 165	2 076	2 929	31 991
1850—1859	24	6 887	1 227	2 271	18 874
1860—1869	54	18 029	2 473	2 639	24 969
1870—1879	130	64 505	11 554	10 249	94 219
1880—1889	398	262 082	49 039	36 084	336 987

Производственная мощность предприятий в 1850—1889 гг. выросла в 33 раза, а их число — в 28 раз, количество рабочих — в 18 раз. Большой подъем наблюдался в 1880—1889 гг. и особенно в 1885—1889 гг., когда в промышленность было вложено более половины общей суммы капитала. Правда, в большинстве этих предприятий по-прежнему господствовал ручной труд, но это был труд, осуществляемый вольнонаемными рабочими, а не рабами.

Капиталовложения в промышленности в 1889 г. распределялись следующим образом: 60% капитала приходилось на текстильную промышленность, 15% — на пищевую, 10% — на химическую, 4% — на кожевенную, 3,5% — на швейную и лишь 3% — на металлургическую промышленность⁵⁸. Большинство предприятий представляли собой ремесленные мастерские мануфактурного типа.

Объективное развитие производительных сил вело к тому, что рабство должно было неизбежно отступить и освободить дорогу капитализму. Под напором глубинных экономических процессов, а также под влиянием мощного политического движения рабство было официально запрещено. Вслед за отменой рабства была свергнута монархия. В социально-экономической истории Бразилии наступил новый этап.

⁵⁴ См. «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 103.

⁵⁵ «Brazil. Bureau of the American Republics». Washington. Bulletin 7, 1891, pp. 70—71.

⁵⁶ F. H. Cardoso, O. Ianni. As exigências educacionais do Processo de Industrialização. «Revista Brasileira», 1959, № 26, p. 163.

⁵⁷ «Recenseamento do Brasil... de 1920». Vol. V, 1 parte, pp. LXIX, 36—47.

⁵⁸ R. C. Simonsen. Brazil's Industrial Evolution, p. 24; H. Bastos. A Marcha do Capitalismo no Brasil. São Paulo, 1944, p. 124.